

ОБРАЗЫ, КОТОРЫЕ НАС ОХРАНЯЮТ

В юности мне почему-то казалось, что между миром, созданными классиками нашей литературы, и современной жизнью лежит непреодолимая пропасть. Русский мир природы и людей, ею живущих, созданный Тургеневым, Толстым, Лесковым, Пришвиным, представлялся заповедным, священным, а окружающая жизнь по сравнению с ним выглядела потерявшей основу и едва не изменившей главному. Юношеская запальчивость помаленьку улеглась, а пройдя путь, я и вовсе изменил свои представления. Оказалось, дело не столько в окружающей жизни, сколько в нашей способности видеть те образы, которые нам время от времени открывает наша земля. Некоторыми этими картинами-открытиями я хочу поделиться с читателями.

Первая картина: стрелка двух великих рек – Енисея и Нижней Тунгуски, Угрюм реки.

Было это лет десяток назад, когда над прекрасной рекой ещё не нависла вновь угроза гидроэлектростанции (видимо тяга уродовать священный лик земли в некотором сорте человек неистребима).

В Туруханск (бывшее село Монастырское) я прилетел из деревни на встречу с читателями. Кто-то из односельчан попросил меня поискать в Туруханске сальниковой набивки для катера, и я отправился на поиски.

Был самый конец мая. Лёд только прошёл, перед глазами во всю ширь катился батюшка Енисей, огромный, вздутый половодьем, в редких лебедях льдин. Такая же полная воды, стремительная, глянцевая, в лаковых водоворотах Тунгуска вылетала в Енисей и, будто оглядываясь, облегчённо теряла ход.

Почти на стрелке под берегом маленькая самоходка-колхозница готовилась к первому рейсу в Туру, столицу Эвенкии. На палубе было пусто, и я спустился в машину, где мужики копались с дизелем. Среди них особенно горячо и умело действовал отец Иоанн, батюшка из монастыря, с которым я накануне познакомился у друзей. Не помню, добыл ли я набивки, но образ-картина, подаренная мне чуть позже, осталась со мной на всю жизнь.

С отцом Иоанном мы горячо разговорились, сходя по трапу с самоходки, и продолжили многочасовую беседу на высоком берегу Тунгуски, после чего батюшка пригласил меня в свою келью и напоил чаем, а я показал ему фотографии. Одну из них он попросил на память. На ней был снятый с высокого яра поворот мощной и спокойной реки в таёжных берегах. «Посмотри, каким покоем веет от этого вида» – задумчиво проговорил отец Иоанн.

Надо сказать, что всё это время мы беседовали об очень важных вещах – о чём ещё говорить на устьях огромных рек и в других непостижимых местах? Разговор шёл о вере, надежде, Отечестве и трудной человеческой доле.

Мы вернулись на берег Тунгуски, сели на лавочку и отсвет тайги, небес и бескрайней воды ещё долго питал наши души красотой и глубиной...

Крошечные люди на устье рек... Две глади, два стальных разлёта... Место, столько раз виденное с воздуха и лежащее в душе именно в таком огромном, планетарном, распластанном виде и требующее и от неё такого же нечеловеческого простора.

Что же так поразило в отце Иоанне? Думаю, необыкновенная искренность этого человека, его горение, рвение к делу и одновременно сознание своей ничтожности, великий стыд за свою грешную природу. Я и не подозревал, насколько может быть полна мученичества жизнь моих современников! Какое доверие было к слушателю, к брату-человеку, какая небоязнь быть уличённым в слабости и какой силой веяло от этого человека!

Рассказывал, как однажды ночью в городе его чуть не убили, и как трепетало его сердце, когда, казалось, жизнь вот-вот оборвётся, и он, готовясь к последней борьбе, спасался молитвой, прижавшись к стене тёмной подворотни. В таком борении представал человек и такая в его искренности была воспитательная сила, что встреча эта навсегда заняла одно из важнейших мест в моей жизни... А мимо несла Тунгуска стальные воды с остатками льдин, терялось в весенней дали её русло в высоких берегах, и за ними вздымалось на востоке туманно-снежное плоскогорье.

В это время снизу нарастало тарактенье, и вскоре мимо нас проползла коптящая «колхозница». Отец Иоанн что-то говорил и вдруг порывисто поднялся и перекрестил уходящее вверх по Тунгуске судёнышко. Была такая невыносимая связь времён в этом жесте, такое чувство Бога и Родины, и так величественно стояла его фигура по-над стрелкой великих вод, что навеки отлились в душе и этот весенний день, и замирающий стук дизеля, и трепет выцветшей рясы на студёном ветру.

Несколько лет спустя очень важным для меня местом стал монастырь в Енисейске. Я ехал на машине из Красноярска в Туруханский район. Протяжённый путь этот пролегает через Енисейск, где трасса кончается и начинается зимник длиной 600 километров. Перед этой ответственной и незнакомой мне тогда дорогой Енисейск сделал мне неожиданный подарок.

Однако прежде надо сказать несколько слов о важном и удивительном этом городке. Основанный в начале 17 века, именно он был столицей Енисейской губернии, и дух старины в нём ещё жив, хотя потери, понесённые в двадцатом столетии, поистине невозможны. Тем не менее здесь сохранились старинные купеческие дома, избы с удивительными наличниками и, конечно, же монастырь, вдоль которого я и ехал снежным сибирском деньком. По случайности, по высшей ли воле попал я на эту боковую дорожку и двигался вдоль монастырской стены, когда-то белой, а теперь облезшей и такой по-детски низкой, что казалось, мир за четыреста лет навсегда её перерос. Стена от зубца к зубцу сбегала и взмывала фигурным провисом, но даже через эти провисы настоящее внутрь не переливалось. Кое-где по рыхлому кирпичу лепились берёзки.

Вдали в углу стен косо чернел силуэт кедра с обломанным стволом и живым боковым отвилком. Погибший ствол был как отрезан по границе стены, а отстволок уцелел над монастырской землёй и темнел живописно и густо. Картина была настолько очевидной и символичной, что я поразился, почему до сих пор никто не написал картину или не сделал фотографию этого кедра. Уже позже, когда и город, и монастырь этот стали мне близки так, что и сказать-то нельзя, я

спросил у отца Севастьяна, настоятеля монастыря, что это за кедр и сколь лет этому стойкому дереву? Он ответил, что сколь лет, не знает, и что это, наверное, и не так важно, а важно другое – что он выстоял. «Ведь выстоял!» – так и сказал отец Севастьян. Позже я написал цикл стихотворений об этом дереве и, приехав в Енисейск, пришёл к отцу Севастьяну. Он был бледным, чувствовал себя плохо, и было ощущение сильнейшей усталости от людей, со всех краёв Сибири приезжавших в это святое место. Стихи я прочитать не решился. Спустя несколько лет отец Севастьян удалился от мира в один таёжный уголок.

Примерно в это же время судьба подарила мне ещё один кусок русской земли: самый южный остров Курильской гряды – остров Кунашир. Он находится на крайнем юго-востоке нашей страны и словно отгорожен от России северным выступом острова Хоккайдо. Самое же удивительное место расположено ещё юго-восточней, на самой оконечности Малой Гряды – это остров Танфильева. Совсем плоский, безлесный, он обрывается серыми базальтами в прозрачно-синий Океан. Если стать на его южный мыс, то до хоккайдской деревеньки Носсапу будет всего три мили. Видны в тумане постройки и маяк с электрически-яркими огнями.

Скуп и странен крайний берег России. На краю этом стоит православный крест из грубого железа, имеющий необыкновенно трудовой вид – его ажурный ствол и крылья напоминают не то авиационный каркас, не то арматуру моста или крана. Вернувшись на Енисей, я не раз мысленно возвращался под этот крест, чувствуя, как с каждым разом далёкий остров становится для меня всё важней, а крест всё огромней.

И душа училась смотреть по сторонам и углядывать Богоданные образы, которые помогают нам понимать и строить мир вокруг себя, осознавать в нём своё место. Образы эти напрямую проходят через всю нашу живопись, музыку и особенно литературу. Именно у русских писателей всегда особенно остро звучала тема объёмного восприятия жизни, когда Вера, Отечество и мир родной природы являлись неразрывными частями одного единого организма. И охота занимала своё место в этом хоре, была ему младшей и верной сестрой, оставаясь примером истинного дела, требующего знания, терпения и любви. А ведь и вправду нельзя по-другому в поле, степи, тайге, где стыдно быть праздным зрителем, но почётно учеником и участником. И где только трудом можно заслужить любовь природы.

Охота всегда была для нас поводом к разговору о главном, фоном для глубинного осмысления жизни, путёвкой в мир вечной красоты. Именно поэтому все великие русские художники были охотниками – Тургенев, Толстой, Чехов, Бунин, Пришвин, Астафьев. Поэтому надо помнить, что сила русского сознания в его целостности, в том, что, строя душу, мы не выдёргиваем произвольно и

пристрастно куски жизни, а стараемся объединить в своём сердце все стороны бытия. И учим его, изводим тоской и любовью и вот уже чувствуем, как огромно оно и трепетно, и что найдётся в нём место каждой собаке, птице, былинке. И что связаны они друг с другом великой круговою порукой.